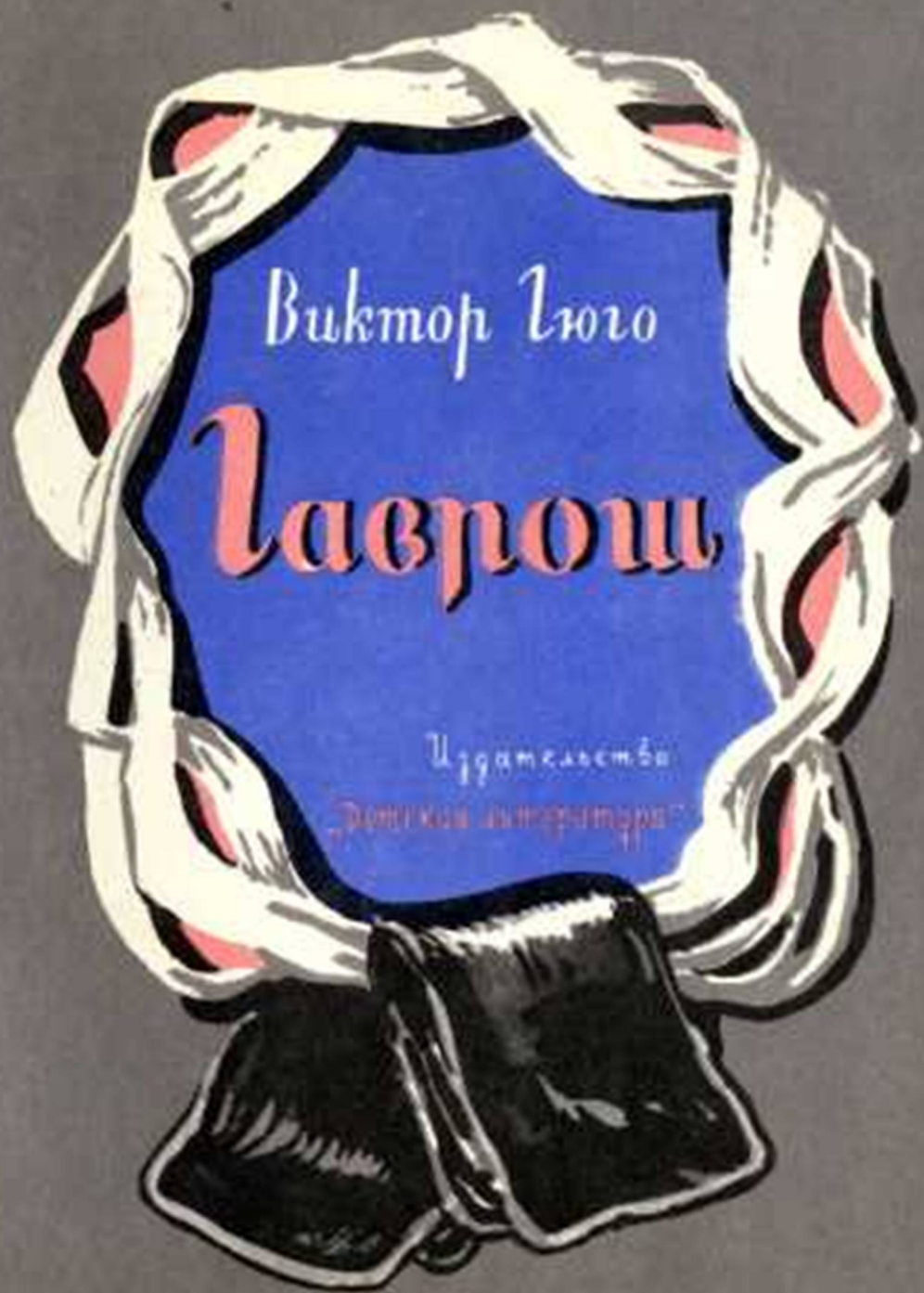

Вукторъ Люто

Лавровъ

Удгалеаецебо

Домскаа аиторитора

Виктор Гюго

Гаврош

Из романа

«Отверженные»

ДЕТИ ПАРИЖА

Когда-то, много лет назад, Париж был полон бездомных детей, как лес полон птичек. Птичек зовут воробьями, ребят звали гаменами.

Это были мальчуганы от семи до одиннадцати лет. Жили они обычно стайками. Их родители, замученные нищетой и тяжким трудом, не могли, а иногда и не хотели заботиться о них. Но гамены не унывали. Обедали они не каждый день, зато каждый день, если им хотелось, пробирались в театр. На теле у них иногда не бывало рубашки, на ногах – башмаков, над головой не было крыши. Они целыми днями бродили по улицам, ночевали где попало. Одеты они были в старые отцовские штаны, которые волочились по земле. Голову им покрывала чья-нибудь старая шляпа, сползавшая на самый нос.

Чтобы попасть в компанию парижских гаменов, надо было иметь немалые заслуги. Один, например, был в большом почёте за то, что видел, как человек свалился с колокольни, другой – за то, что на его глазах опрокинулся дилижанс,^[1] третий – потому, что был знаком с солдатом, который чуть не выколол глаза какому-то важному господину.

¹ Дилижанс – многоместная карета для перевозки почты и пассажиров.

Крепкие кулаки очень ценились у них. Гамен любил прихвастнуть: «Вон какой я силач, посмотри-ка!» Всякий, кому случалось порезаться очень глубоко, «до кости», считался героем. Левше все очень завидовали. Косоглазый пользовался большим уважением.

У гаменов бывали постоянные стычки с полицейскими, которые устраивали по ночам облавы на маленьких бродяг. Потому-то гамен знал всех полицейских в лицо и по имени. Он изучил их привычки, для каждого подобрал прозвище: «Такой-то – предатель, такой-то – злюка, тот – великан, а тот – чудак. Вот этот воображает, что Новый мост принадлежит ему одному, и не даёт человеку гулять по выступу за перилами моста, а тот любит драть людей за уши...»

Парижский гамен бывал почтительным, но бывал и дерзким насмешником. У него были скверные, гнилые зубы, потому что он плохо и мало ел, и хорошие, ясные глаза, потому что он много думал.

МАЛЕНЬКИЙ ГАВРОШ

В те времена на бульваре Тамплъ можно было часто встретить мальчика лет одиннадцати-двенадцати, настоящего гамена. На нём были длинные мужские штаны и женская кофта. Но штаны были не отцовские, а кофта не материнская. Чужие люди из жалости одели его в эти лохмотья.

А были у него и отец и мать. Но отец о нём не заботился, а мать его не любила, так что его смело можно было назвать сиротой.

Привольно он чувствовал себя только на улице. Это был бледный и болезненный мальчик, но проворный, ловкий, смышлёный и большой шутник.

Он постоянно был в движении: бродил, распевая песенки, по улицам, рылся в сточных канавах, воровал понемножку, но легко и весело, как воруют кошки или воробышки, смеялся, когда его называли шалопаем, и сердился, когда его обзывали бродягой.

У него не было ни крова, ни хлеба, некому было пригреть и приласкать его, но он не тужил. Однако, как ни был он заброшен, ему всё-таки иногда приходило в голову: «Пойду повидаю мать». Он расставался с привычными местами, с шумными площадями, бульварами, спускался к набережным, переходил мосты и в конце концов добирался до предместья, населённого беднотой.

Там, в убогой лачуге, жила семья весёлого мальчугана. Он приходил, видел вокруг горе и нищету, но что всего печальнее – он не видел здесь ни одной приветли-

вой улыбки; холоден был пустой очаг, и холодны были сердца.

Когда он появлялся, его спрашивали: «Откуда ты?» Он отвечал: «С улицы».

Когда он уходил, его спрашивали: «Куда ты?» – «На улицу», – отвечал он.

А мать кричала ему вслед: «И что тебе здесь было нужно?»

Мальчик жил, не видя любви и заботы, точно бесцветная травка, которая растёт в погребах. Он не страдал от этого и никого не винил. Он даже не знал точно, какие должны быть отец и мать.

Мы позабыли сказать, что на бульваре Тамплъ этого гамена прозвали Гаврош.

ГАВРОШ ОПЕКАЕТ МАЛЫШЕЙ

В Париже весной часто выпадают холодные дни, когда можно подумать, что вернулся январь.

В один такой студёный апрельский вечер Гаврош стоял на многолюдной улице, перед ярко освещённой витриной большой парикмахерской, и зябко поёживался. На шее у него был шерстяной платок, неизвестно где подобранный. Казалось, он с восторженным любопытством смотрит, как восковая женская головка, замысловато причёсанная и украшенная цветами, поворачивается во все стороны и улыбается прохожим.

На самом же деле Гаврош наблюдал, что происходит внутри парикмахерской, рассчитывая улучшить минуту и стянуть с витрины кусок мыла, а потом продать его за несколько су^[2] парикмахеру предместья. Ему часто случалось таким способом зарабатывать себе на обед. Он был ловкач в таких делах и называл это «брить брадобрёя».

Любуясь восковой красавицей и нацеливаясь на кусок мыла, он бормотал себе под нос:

– Во вторник... нет, не во вторник! А может, во вторник... Да, верно, во вторник!

Он старался припомнить, когда обедал в последний раз. Оказалось, что было это три дня назад.

В светлом и тёплом помещении парикмахер брил очередного посетителя, а сам косился на врага, на за-

² Су – монета в пять сантимов. Сантим – самая мелкая французская монета.

мёрзшего дерзкого мальчишку, который стоял у окна, засунув руки в карманы, и явно замышлял какой-то подвох.

Но вдруг Гаврош увидел, что в парикмахерскую вошли два мальчика меньше его: один лет семи, другой около пяти, оба неплохо одетые. Трудно было разобрать, чего они хотят – оба говорили разом. Младший не переставая плакал, а у старшего от холода стучали зубы. Парикмахер сердито обернулся, вытолкнул ребят на улицу, ничего не слушая, и крикнул им вдогонку:

– Шатаются зря, только холоду напускают!

Дети, плача, пошли дальше. Тем временем набежала туча, стал моросить дождь. Гаврош догнал ребят:

– О чём плачете, малыши?

– Нам негде ночевать, – ответил старший.

– Велика беда! – сказал Гаврош. – Стоит из-за такой ерунды плакать! Вот глупышки! – И ласковым, но покровительственным тоном добавил: – Идём со мной, мелюзга.

– Пойдёмте, сударь, – ответил старший.

Дети, перестав плакать, доверчиво последовали за Гаврошем. Уходя, Гаврош с возмущением оглянулся на парикмахерскую.

– Бессердечная скотина! – ворчал он. – Сушная змея! Послушай, цирюльник, я позову слесаря и велю нацепить тебе на хвост трещотку.

Парикмахер настроил его на боевой лад. Перепрыгивая через лужу, он увидел старуху с метлой в руках и спросил у неё:

– Сударыня, вы решили покататься на своей лошадке?

И тут же обдал грязью лакированные ботинки прохожего.

– Болван! – злобно крикнул прохожий.

Гаврош высунул нос из платка:

– На кого изволите жаловаться, сударь?

– На тебя! – рявкнул прохожий.

– Контора уже закрыта, жалоб больше не принимаю.

Проходя мимо каких-то ворот, он заметил дрожащую от холода нищенку, девочку лет тринадцати-четырнадцати.

– Бедняга, она совсем раздета. На вот, возьми! – И, сняв с себя тёплый шерстяной платок, он развернул его и набросил на худенькие плечи нищенки.

Девочка с удивлением посмотрела на него и молча приняла подарок. А Гаврош только ещё больше съёжился от холода. Как раз в это время дождь снова припустил.

– Что за безобразие, опять дождь! – вскричал Гаврош. – Это мне уже не нравится. Ну, наплевать! – добавил он, увидев, как нищенка кутается в платок. – Зато ей будет тепло, она теперь как в шубе.

И он пошёл дальше. Дети торопливо семенили вслед за ним.

Проходя мимо булочной, Гаврош обернулся к ребятам:

– Малыши, вы обедали сегодня?

– Сударь, мы с утра ничего не ели, – ответил старший.

– У вас, видно, нет ни отца, ни матери? – тоном взрослого спросил Гаврош.

– Что вы, сударь! У нас есть и мама и папа, только мы не знаем, где они. Мы всё ходили по улице, искали чего–нибудь поесть и ничего не нашли.

– Ну, понятно, – заметил Гаврош, – собаки всё подбирают. – И, помолчав, добавил: – Так вы потеряли родителей? Не знаете, куда они девались? Это не годится, ребятки! Глупо терять старших. Ну что ж, надо всё-таки чего–нибудь перекусить.

Он больше не стал их расспрашивать. Не иметь крова – для гамена дело обычное.

Гаврош остановился и стал усиленно шарить в карманах своих штанов. Наконец он с торжествующим видом поднял голову:

– Успокойтесь, малыши, сейчас мы отлично поужинаем. Он выудил из кармана монетку, втокнул ребят в булочную и, бросив деньги на прилавок, крикнул:

– На пять сантимов хлеба!

Булочник взял в руки нож и каравай хлеба.

– На три части! – скомандовал Гаврош и с достоинством пояснил: – Нас ведь трое.

Булочник, окинув взглядом детей, собрался было дать им чёрного хлеба, но Гаврош с негодованием крикнул:

– Это что такое?

Булочник вежливо ответил:

– Это хлеб, очень хороший хлеб второго сорта.

– Отрежьте белого, самого лучшего. Я угощаю!

Булочник улыбнулся и стал с любопытством разглядывать вать компанию.

– Что вы на нас уставились? Думаете, мы маленькие? – обиделся Гаврош.

Когда хлеб был отрезан, Гаврош сказал детям:

– Ну вот, теперь лопайте!

Дети растерянно смотрели на него. Гаврош расхохотался.

– Да, правда, они малы, ещё не понимают. – И протянул им хлеб: – Ешьте, пичуги!

Считая, что старший более понятлив и его следует особо ободрить, он протянул ему большой кусок и сказал:

– Ну-ка, раскрой клюв!

Себе он оставил самый маленький кусочек. Все трое были очень голодны и, стоя у двери, жадно уплетали хлеб. Булочник получил деньги и теперь смотрел на них с досадой, потому что они загораживали вход в булочную.

– Пойдём на улицу, – сказал Гаврош.

И они поплелись дальше, по направлению к Бастилии.^[3] Когда они проходили мимо ярко освещённых магазинов, младший из ребят останавливался и смотрел на висевшие у него на верёвочке оловянные часики.

– Вот дурачок! – снисходительно сказал Гаврош. Затем задумчиво пробормотал себе под нос: – Будь это мои ребята, я бы лучше смотрел за ними.

Они шли, медленно дожёвывая хлеб. На углу улицы Балле какой-то высокий человек окликнул Гавроша:

– А, это ты, Гаврош? Куда держишь путь?

Гаврош указал на ребят:

– Веду их на ночлег.

– А куда?

– К себе.

– Куда это?

³ Бастилия – старинная крепость в Париже, в которой при короле была тюрьма для политических заключённых. 14 июля 1789 года она была разрушена восставшим народом.

- Да к себе!
- А у тебя есть жильё?
- Конечно!
- Где же?
- В слоне, – ответил Гаврош.
- Как в слоне?
- Да обыкновенно – в слоне. Что ж тут непонятного?

В СЛОНЕ

В те времена на площади Бастилии стояло странное сооружение – огромный деревянный слон, оштукатуренный снаружи. На спине у него помещалась башня, напоминающая домик; когда-то она была выкрашена в зелёный цвет, но дожди и непогода перекрасили её в чёрный.

Слон стоял в пустынном углу большой площади. Широкий лоб, длинный хобот, клыки, башня на исполинской^[4] спине, ноги, похожие на четыре столба, – всё это превращало его ночью в страшное, сказочное чудовище.

К этому углу площади, едва освещённому далёким фонарём, Гаврош подвёл своих питомцев. Он понимал, что малышей испугает такой великан, и потому сказал:

– Не бойтесь, ребятки!

Сначала он сам прошмыгнул в отверстие решётки, окружавшей слона, а затем втащил детей. Перепуганные ребята покорно и доверчиво следовали за своим оборванным покровителем, который накормил их и обещал им ночлег.

Внутри ограды лежала лестница, которой днём пользовались рабочие ближайшей стройки. Гаврош с удивительной для его лет силой поднял её и приставил к одной из передних ног слона. Как раз в том месте, куда доходила лестница, виднелась чёрная дыра в брюхе великана. Гаврош указал своим гостям на лестницу и дыру.

– Полезайте, – сказал он.

Дети в испуге переглянулись.

⁴ Исполинский – большой, огромный.

– Струсили, малявки! – воскликнул Гаврош. И прибавил: – Ну, смотрите!

Он обхватил руками шероховатую ногу слона и мигом, без всякой лестницы, добрался до отверстия, вполз туда, как уж вползает в щель, и скрылся, а спустя минуту его бледное личико показалось в тёмной дыре.

– Ну, – кричал он, – ползите скорей, козявки! Увидите, как здесь хорошо! Влезай ты первый, – обратился он к старшему, – я втащу тебя за руки.

Дети жались друг к другу. Они и побаивались Гавроша и верили ему, а так как дождь превратился в ливень, то старший мальчик набрался наконец храбрости. Когда маленький увидел, что брат полез наверх, а он остался совсем один между лапами громадного зверя, ему стало страшно и хотелось заплакать, но он не посмел.

Старший неуверенно карабкался по перекладинам лестницы. Гаврош старался ободрить его, покрикивая:

– Не бойся! Вот так! Ну ещё! Поставь сюда ногу, крепче держись рукой! Смелей!

Как только мальчик оказался достаточно близко, Гаврош ухватил его за руку и с силой потянул к себе.

– Готово дело! – сказал он.

Мальчуган пролез в отверстие.

– А теперь подожди меня, – сказал Гаврош. – Присаживайтесь, сударь.

Сам он вылез из дыры так же, как влез туда; проворно, точно обезьяна, спустился вдоль ноги слона, спрыгнул в траву, схватил пятилетнего малыша на руки,

поставил его на середину лестницы и стал подниматься за ним, крикнув старшему:

– Я его поддерживаю, а ты тащи!

В одну минуту малыша подняли, подтянули, – подтолкнули и втащили в отверстие; он даже пикнуть не успел.

Гаврош влез вслед за ним и отбросил ногой лестницу. Лестница упала на землю. Гаврош захолопал в ладоши и закричал:

– Вот мы и дома! Ура!

Это и был дом Гавроша.

Часто, проходя по площади Бастилии, разряжённые господа бросали презрительный взгляд на слона и говорили: «Кому он нужен? Пора снести его». Оказывается, он был нужен для того, чтобы уберечь от дождя, холода, снега, града, защитить от зимнего ветра, избавить от ночлега в грязи и слякоти, от ночлега на снегу маленького мальчика без отца, без матери, без пищи, без одежды, без крова.

Дыра, в которую шмыгнул Гаврош, была почти незаметна снаружи. Она находилась под самым брюхом слона и была так узка, что лазить в неё могли только кошки да дети.

– Прежде всего, – сказал Гаврош, – надо показать, что нас нет дома.

Гаврош нырнул куда-то в темноту; двигался он так уверенно, что видно было – он хорошо знает своё жилище.

Достав откуда-то доску, он закрыл ею дыру. Затем снова исчез во мраке. Дети слышали треск лучины, всу-

нутой в бутылку с раствором фосфата. Настоящих спичек тогда ещё не было.

От внезапного света дети зажмурились. Гаврош зажёл фитилёк, смоченный в смоле. Хотя такая свеча больше коптила, чем светила, всё же при этом огоньке можно было рассмотреть внутренность слона.

Гости Гавроша с удивлением и страхом озирались вокруг.

Поверху над их головами шла длинная тёмная балка, от неё на некотором расстоянии друг от друга отходили толстые полукруглые перекладки; это был как бы позвоночник слона с рёбрами. С них свисали отставшая штукатурка и густая паутина.

Младший мальчуган прижался к старшему и прошептал:

– Ой, как темно!

Слова эти возмутили Гавроша. А вид у ребят был такой испуганный, что Гаврош счёл нужным пробрать их:

– Это что за новости? Чем вы недовольны? Вам дворец нужен, что ли? Чего кукситесь, поросята вы этакие!

Встряска иногда помогает от страха. Немного успокоившись, дети прижались к Гаврошу.

Он был растроган их доверчивостью и по-отечески ласково обратился к младшему:

– Дурачок, темно на улице, а не здесь; там идёт дождь, а здесь дождя нет; там холодно, а здесь ни ветерка; на улице людно, а здесь нет ни души; там даже луны нет, а здесь горит моя свечка.

Теперь дети уже не с таким страхом оглядывали свой приют.

– Ну, живее! – торопил Гаврош, подталкивая их в дальний угол своей «квартиры», где помещалась его постель.

Постель у Гавроша была самая настоящая, с матрасом, одеялом и пологом.

Матрасом служила соломенная циновка, одеялом – большая, почти новая и очень тёплая попона из грубой серой шерсти. А полог был сделан вот как: три длинных шеста, воткнутых в пол, то есть в брюхо слона, были наверху связаны вместе верёвкой. На них была натянута сетка из медной проволоки, мастерски укреплённая на всех трёх шестах. Тяжёлые камни прижимали сетку к полу, так что проникнуть внутрь было невозможно.

Эта сетка была частью проволочной решётки из вольтеры^[5] в зверинце, и Гаврош спал, точно в клетке.

Гаврош отодвинул несколько камней и приподнял сетку.

– Ну, малыши, залезайте на четвереньках! – командовал он... Гаврош бережно втокнул гостей в клетку, влез за ними сам, снова сдвинул камни и наглухо закрыл вход.

Все трое улеглись на циновке. Клетка была низкая. Даже самый маленький из ребят не мог бы встать в ней во весь рост. Гаврош всё ещё держал в руке свечу.

– Теперь спите, – сказал он, – я тушу свечу.

⁵ Вольтера – большая клетка для птиц или животных.

– Сударь, – спросил старший мальчик, указывая на сетку, – зачем это?

– Это от крыс, – ответил Гаврош деловым тоном. – Спите!

Однако немного погодя он вспомнил, что гости его очень неопытны, и решил объяснить подробнее:

– Это всё из зверинца в ботаническом саду. От диких зверей. Там сколько угодно сеток. Надо только вскарабкаться на стенку, влезть в окно и нырнуть под дверь, а там бери что хочешь.

Рассказывая, он успел укутать краем попоны младшего мальчика.

– Ой, как хорошо, как тепло! – пролепетал малыш. Гаврош самодовольно оглядел одеяло:

– Одеяло тоже из ботанического сада. Я взял его в долг у обезьян.

Показав на толстую, искусно сплетённую циновку, на которой они лежали, он добавил:

– А это я стянул у жирафа.

Немного помолчав, Гаврош продолжал:

– У зверей всего вдоволь. Я и взял у каждого из них понемногу, и они не рассердились. Я им сказал: это нужно слону.

Дети с изумлением и боязливым восторгом смотрели на Гавроша, на этого ловкого и смелого мальчика, такого же бездомного и заброшенного, как они, но в то же время всемогущего.

– Сударь, – робко спросил старший мальчик, – вы, значит, совсем не боитесь полицейских?

– Надо говорить не «полицейский», а «фараон». Так и запомни, молокосос.

Младший мальчик тоже не спал, но не говорил ни слова. Он лежал с краю, и одеяло сползло с него; Гаврош снова заботливо укрыл малыша, а под голову вместо подушки подложил ему всякое тряпье. Затем обратился к старшему:

– Правда, здесь недурно?

– Да, да! – ответил старший, с восхищением глядя на Гавроша.

Бедные ребята озябли и промокли, а теперь начали согреваться.

– Вот видишь! – сказал Гаврош. – И чего вы, спрашивается, скулили?.. – Указывая на малыша, он добавил: – Ну, такому клопу ещё можно похныкать, а тебе, большому, стыдно реветь, ты ведь не телёнок.

– Мы не знали, куда нам деваться.

– Послушай, – наставительно продолжал Гаврош, – что бы ни случилось, никогда не скули. Я вас не оставлю. Увидишь, как мы весело заживём. Летом будем ходить купаться в Сене.^[6] Потом, есть такой человек-скелет. Он живой, его показывают за деньги. Обязательно пойдём посмотрим на него. Ух, и худющий же он! А потом я сведу вас на представление, в театр. У меня есть знакомые актёры, они мне дают билеты. Я даже сам раз играл в театре. Нас было не сколько мальчишек, мы бегали под холстом, делали волны на море. Я вас тоже возьму представлять. Словом, повеселимся вволю.

⁶ Се?на – река, на берегах которой расположен Париж.

В эту минуту на палец Гаврошу капнула смола и вернула его к действительности.

– У, чёрт! – проворчал он. – Так у меня весь фитиль сгорит. А я не могу тратить в месяц больше одного су на освещение. Раз легли, надо спать. Чего доброго, полицейские увидят у нас свет.

– А потом, вдруг искра упадёт на солому и спалит весь дом, – робко заметил старший. Он один только и осмеливался разговаривать с Гаврошем.

На дворе разыгралась буря. То и дело громыхал гром, и дождь хлестал по спине слона-исполина. Весенние грозы иногда бывают в Париже при сильном холоде.

– Дудки, – сказал Гаврош, – до нас дождь не доберётся! Пусть себе барабанит и поливает ноги моего дома. Зима-дурища злится, что ей нас не достать.

Тут раздался такой удар грома, что малыши вскрикнули, вскочили и чуть было не повалили всю замысловатую постройку. Гаврош обернулся к ним и расхохотался:

– Тише, ребятки! Дом сломаете. А какой гром! Не хуже, чем в театре.

Он поправил сетку, снова уложил детей и приказал:

– Ну, теперь хорошенько завернитесь в одеяло и спите. Я тушу свечку. Готовы?

– Да, – прошептал старший. – Мне очень хорошо, прямо как на перине.

Гаврош натянул им одеяло до самого носа, снова приказал: «Спите!» – и задул свою свечу.

Едва погас свет, как сетка, под которой лежали дети, затряслась, послышался странный шорох, какое-то

дребезжание: как будто медную проволоку царапали ногтями и грызли зубами. При этом со всех сторон раздавался визг и писк.

Пятилетний мальчуган, услышав над головой такую возню, задрожал от ужаса, толкнул локтем старшего брата, но тот уже спал, как приказал ему Гаврош.

Тогда малыш, не помня себя от страха, осмелился ти хонько позвать Гавроша:

– Сударь!

– Ну? – спросонья проворчал Гаврош. – Что это?

– Крысы, – ответил Гаврош и повернулся на другой бок.

А крысы не унимались: они бегали по сетке и старались прогрызть её.

Малыш от страха не мог уснуть.

– Сударь! – снова окликнул он.

– Ну? – отозвался Гаврош.

– Что это такое – крысы?

– Это мыши!

Такое объяснение немного успокоило мальчика. Ему случалось видеть белых мышей, и их он не боялся.

– Сударь... – всё-таки заговорил он немного по годя.

– Ну?

– Почему у вас нет кошки?

– Была у меня кошка, а они её сожрали.

Мальчик снова затрясся от страха:

– Сударь!

- Ну?
- Кого сожрали?
- Кошку.
- Кто сожрал?
- Крысы.
- Мыши?
- Да, крысы.

Потрясённый рассказом про мышей, которые едят кошек, мальчик не унимался:

– Сударь, а нас они не сожрут?

– Не бойся, они сюда не пролезут. Да и я ведь тут. На, возьми меня за руку. Молчи и спи!

Гаврош протянул мальчику руку, и ребёнок, прижавшись к его руке, успокоился. Кругом всё затихло. Крысы разбежались от звука голосов. Вскоре они вернулись и опять затеяли возню, но мальчики уже ничего не слышали – все трое крепко спали.

А на дворе по-прежнему бушевала непогода; на пустынной площади было темно; изредка проходил патруль, в поисках бродяг заглядывал во все углы и закоулки, а слон стоял неподвижно и, казалось, был доволен тем, что приютил и обогрел трёх бездомных ребят.

Наутро Гаврош рано разбудил малышей, ловко извлёк их из брюха слона, кое-как накормил и ушёл, доверив их попечению улицы, которая воспитала и его самого. На прощание он сказал им:

– Я улепётываю, ребятки. Если не найдёте папы и мамы, приходите вечером сюда. Я накормлю вас и уложу спать.

Однако дети не вернулись. Возможно, их подобрал и отвёл в участок полицейский или же они просто затерялись в огромном, шумном Париже. Гаврош их больше не видел. Но часто, почёсывая голову, он говорил про себя:

«Куда это запропалились мои детки?»»

ГАВРОШ ИДЁТ СРАЖАТЬСЯ

Весной 1832 года во Франции развернулись важные события. Французский народ – рабочие, ремесленники, весь трудовой люд не мог больше терпеть голод, нужду и притеснения правительства, состоявшего из богачей – корыстных банкиров и фабрикантов. В разных городах страны вспыхивали бунты. Их подавляли, но они немедленно вспыхивали в других местах. Париж тоже готовился к восстанию.

В трактирах и кабачках собирались рабочие, обсуждали события, читали воззвания. Часто слышны были такие разговоры:

– Нас триста человек, – говорил один рабочий, – каждый внесёт по десять су, это составит сто пятьдесят франков. На них мы купим пуль и пороха.

Через две недели нас соберётся тысяч двадцать пять, – заявлял другой. – Тогда уж можно помериться силами с правительством.

– Я ночей не сплю, готовлю патроны, – говорил третий.

Революционное настроение всё росло. Особенно сильно волновалось рабочее предместье Парижа – Сент-Антуан.

Это старое предместье, населённое, как муравейник, трудолюбивое, как улей, сердито гудело, ожидая взрыва. Париж напоминал пушку, когда она заряжена: довольно искры, чтобы грянул выстрел.

Наконец желанная минута настала. Город принял грозный вид, на улицы высыпали рабочие. Каждый старался добыть себе оружие. Один спрашивал другого: «Где у тебя пистолет?» – «Спрятан под блузой. А у тебя?» – «Под рубахой».

И вот по улицам и бульварам города потянулись огромные толпы. Тут были рабочие: каменщики, плотники, маляры, наборщики; были студенты и школьники.

Из окон домов и с балконов на них испуганно смотрели буржуа.

Правительство было начеку: в городе и в предместьях стояли его вооружённые войска.

Когда толпа рабочих встретилась с войсками правительства, разразилась буря: полетели камни, послышались ружейные выстрелы, пошли в ход сабли, пистолеты. Толпа рассеялась.

Но тут по всему Парижу прокатился грозный клич: «К оружию!»

Гнев раздувал восстание, как ветер раздувает огонь.

Толпа разгромила оружейную фабрику на бульваре Сен-Мартен и три оружейные лавки в разных концах города. В несколько минут тысячи рук расхватали сотни ружей, пистолетов и сабель. Храбрые вооружались, трусы прятались.

На набережных, на бульварах рабочие, студенты, ремесленники били фонари, распрягали кареты, вырывали деревья, выкатывали бочки из погребов, громоздили на мостовой булыжники, доски, мебель – словом, строили баррикады. Не прошло и часа, как в городе выросло множество баррикад. К вечеру около трети Парижа оказалось в руках восставших. Купцы спешно запирали свои лавки. Военные патрули расхаживали повсюду, обыскивали и задерживали прохожих. Тюрьмы и полицейские участки были переполнены – там не хватало мест, и многих арестованных оставили ночевать под открытым небом. По городу перекликались сигнальные рожки, слышался бой барабанов, раздавались ружейные выстрелы.

– Чем всё это кончится? – дрожа от страха, спрашивали друг друга буржуа.

Надвинулась ночь. Восстание грозным заревом охватило Париж.

После первого столкновения с войсками толпа отхлынула с площади Арсенала и стремительными потоками растекалась по улицам Парижа. По улице Менильмон-

тан бежал оборванный мальчуган. Он держал в руке ветку цветущего раkitника. Увидев в лавочке старьёвщицы пистолет, мальчик отшвырнул ветку, крикнул: «Тётка, одолжи мне эту штуку!» – схватил пистолет и был таков.

Мальчик был Гаврош, он шёл сражаться. На бульваре он заметил, что пистолет его без курка.

Однако Гаврош не бросил пистолета и отправился дальше; дойдя до улицы Понт-о-Шу, он заметил, что на всей улице открыта только одна лавка – кондитерская. Понятно, ему очень захотелось съесть пирожок с яблоками, прежде чем ринуться в бой. Но напрасно он шарил в карманах – они оказались пусты. Гаврош проглотил слюну и двинулся дальше, воскликнув: «Вперёд – на бой!» При этом он с грустью и укоризной посмотрел на свой пистолет: «Я-то гожусь в бой, а вот ты – не очень!»

По дороге ему попаласть та самая парикмахерская, откуда её достойный владелец недавно выгнал двух малышей, которых Гаврош потом приютил в брюхе слона. Вспомнив бедных ребятишек, Гаврош решил по-своему отблагодарить парикмахера. Не успел тот добрить какого-то буржуа, как раздался страшный грохот: громадный булыжник вдребезги разбил витрину. Парикмахер подбежал к окну и увидел улепётывающего во всю прыть Гавроша.

– Вот негодный озорник! – завопил парикмахер. – Ну подумайте! Что я ему сделал?

На рынке Сен-Жан Гаврош присоединился к толпе рабочих и студентов. Все они были вооружены чем попало. У одного было двуствольное охотничье ружьё, у другого – ружьё национальной гвардии, а за поясом два пи-

столе́та, у третьего – старый мушкет, у четвёртого – карабин.^[7]

Человек, шагавший впереди, размахивал обнажённой саблей. Все они запыхались от быстрой ходьбы, промокли под дождём. Но глаза у них сверкали.

– Куда идти? – спокойно спросил их Гаврош.

– Идём с нами, – ответили ему.

В первом ряду шёл человек в красном жилете. Он шагал весело и бодро и, видимо, чувствовал себя, как рыба в воде.

Какой-то прохожий, увидев его жилет, закричал в испуге:

– Красные идут!

– Ну, красные так красные! – отвечал рабочий. – Есть чего пугаться!

⁷ Мушкет и карабин – ружья устаревших систем.

ГАВРОШ НА ПОСТРОЙКЕ БАРРИКАДЫ

Отряд вооружённых рабочих и студентов углубился в старинный квартал, где улицы были узки, а дома, разной величины и странной постройки, стояли вкривь и вкось. С улицы Сен-Дени отряд свернул на улицу Шанврери. Улица эта упиралась в тесный переулок, загороженный рядом высоких домов. Казалось, что это тупик, однако по обеим его сторонам имелись проходы.

На левом его углу стоял невысокий двухэтажный дом. В этом доме помещался знаменитый кабачок, где обычно собирались революционеры.

При появлении шумной толпы на улице началась паника. Перепуганные прохожие бросились врассыпную.

Повсюду – направо и налево – закрывались лавки, входные двери, окна, ставни во всех этажах, от самого нижнего до чердака. Открытым остался только вход в кабачок, потому что толпа сразу бросилась туда.

Спустя несколько минут из решёток на окнах кабачка выдернули двадцать железных прутьев, мостовую перед кабачком немедленно разрыли – камни были нужны для постройки баррикады. Недолго думая опрокинули ехавшую мимо телегу с тремя бочками извести – бочки тоже пригодились для баррикады. На них навалили булыжник, вывороченный из мостовой. Из погреба кабачка выкатили ещё несколько пустых бочек. Эти бочки и опрокинутую телегу подпёрли грудami щебня, который появился неизвестно откуда.

Вскоре половина улицы была перегорожена стеной выше человеческого роста. На перекрёстке показался омнибус,^[8] запряжённый парой белых лошадей. Один из рабочих перепрыгнул через груды камней, подбежал к омнибусу, остановил его, высадил пассажиров, вежливо помог выйти женщинам, отпустил кучера и под уздцы привёл лошадей вместе с омнибусом к баррикаде. Лошадей сейчас же распрягли и отпустили на свободу, а омнибус свалили набок и загородили им остальную часть улицы.

Весёлый, сияющий Гаврош всех воодушевлял – он попевал повсюду, карабкался вверх, спускался, шумел, суетился, носился, как вихрь.

Что подстёгивало его? Нужда! Что его окрыляло? Радость!

Он стыдил бездельников, понукал лентяев, ободрял усталых; одних раздражал, других забавлял, но всех одинаково тормошил, всюду сновал и гудел, как назойливая муха, ни на минуту не останавливаясь, ни на минуту не умолкая.

– Живее! Валите булыжник! Ещё, ещё!.. Катите сюда бочки, давайте сюда мусор – заткнуть дыру. Мала ваша баррикада. Куда она годится! Тащите, валите, катите что попало! Ломайте дом, несите стеклянную дверь!

– Стеклянную дверь? – удивились рабочие. – На что она? Вот дурачок!

– Сами вы дураки! – огрызнулся Гаврош. – Ещё как годится стеклянная дверь! Попробуй-ка влезь по ней на баррикаду! Видать, вы не таскали яблок из чужого сада, когда забор утыкан битым стеклом? Пусть только солда-

⁸ Омнибус – многоместная карета для перевозки пассажиров.

ты сунутся к нам – стеклянная дверь срежет им мозоли. Ничего вы, я вижу, не понимаете, товарищи. Стекло – штука предательская.

Он никак не мог успокоиться, что пистолет его без курка, и приставал ко всем:

– Дайте мне ружьё! Мне нужно ружьё. Почему мне не дают ружья?

– Тебе ружьё? – засмеялся один из революционеров.

– Да, мне. А почему мне не дать ружьё? – спросил мальчик.

– Когда у всех взрослых будут ружья, тогда дадут и детям, – пожав плечами, сказал другой революционер.

Гаврош гордо повернулся и ответил ему:

– Если тебя убьют раньше, я возьму твоё ружьё.

Баррикада на улице Шанврери была невысока, хотя защитники могли укрыться за ней, а изнутри можно было

взобраться на самый её верх по сложенным из булыжника ступеням. Груды камней, бочки, которые были соединены балками и досками, просунутыми в колёса телеги, опрокинутый омнибус – всё это снаружи придавало баррикаде грозный, неприступный вид.

Между стенами домов и баррикадой оставался узкий проход, в который легко мог пролезть человек, так что выбраться из баррикады было вполне возможно. Дышло омнибуса водрузили на самой верхушке, и красное знамя, прикреплённое к этому дышлу, развевалось над баррикадой.

Вся работа заняла не больше часа и прошла без всяких помех: ни полиция, ни войска не показывались.

Буржуа, изредка проходившие по улице Сен-Дени, заглянув на улицу Шанврери и увидев баррикаду, убежали прочь.

Когда баррикада была сооружена и знамя на ней укреплено, из кабачка вытащили стол, и начальник баррикады вскочил на него. Ему принесли ящик с патронами, и он, весело улыбаясь, стал раздавать патроны.

Каждому досталось по тридцать патронов. В запасе имелся ещё бочонок с порохом, но его пока не трогали.

Бой барабанов не смолкал по всему городу, но к этому уже привыкли и не обращали на него внимания. Зловещие раскаты барабанной дроби то удалялись, то приближались. Наступили сумерки. Кругом не видно было ни души. Из безмолвного мрака надвигалось что-то грозное.

Защитники баррикады зарядили ружья, распределили посты и стали ждать, исполненные спокойствия, решимости и отваги.

Между тем на баррикаде зажгли большой факел. Для защиты от ветра его с трёх сторон обложили булыжником и направили так, что весь свет падал на знамя.

Баррикада и улица были погружены во тьму. Только красное знамя виднелось издали, словно освещённое громадным потайным фонарём.

НОЧЬ НА БАРРИКАДЕ

Настала ночь, но войска не появлялись. Слышался только смутный гул да временами лёгкая перестрелка, но редкая и отдалённая.

Ясно было, что правительство выигрывает время и накапливает силы. Пятьдесят защитников баррикады поджидали шестидесятитысячное войско правительства.

В нижнем зале кабачка при тусклом свете двух огарков Гаврош изготавливал патроны. С улицы такой свет совсем не был виден, а в верхних этажах вообще не зажигали огня.

В зал вошёл высокий человек, держа в руках ружьё нового образца.

Гаврош залюбовался ружьём, а потом начал приглядываться и к его владельцу.

Когда тот уселся на стул, мальчик поднялся с места, подошёл ближе, на цыпочках обошёл вокруг незнакомца и оглядел его со всех сторон, стараясь при этом не шуметь и не привлекать к себе внимания.

«Неужели? Не может быть! Мне это померещилось. А вдруг и правда это он? Да нет же? Ну да, он!» – мысленно восклицал Гаврош, вытягивая шею, как птица. Он был смущён, озадачен, поражён.

Тут как раз к Гаврошу обратился один из революционеров, тот самый, который смеялся над ним, когда он требовал себе ружьё.

– Послушай-ка, дружок, ты маленький, тебя не заметят. Выйди за баррикаду, проберись вдоль домов и похо-

ди по улицам. Когда вернёшься, расскажешь нам, что видел.

– Ага! Значит, и маленькие на что-нибудь годятся, – ехидно заметил Гаврош. – Что же, сейчас пойду. А пока мой вам совет: больше верьте маленьким и меньше большим. – Гаврош понизил голос: – Видите этого долговязого?

– Ну и что же?

– Это шпик!

– Ты уверен?

– Ещё бы! Недели две назад он стащил меня за ухо с перил Королевского моста.

Сведения Гавроша оказались верными: после допроса и обыска выяснилось, что человек этот – инспектор полиции. Его обезоружили и привязали к буфетной стойке, скрутив ему за спиной руки. Гаврош присутствовал при всей этой сцене. Подойдя к шпиону, он сказал:

– Оказывается, и мышка может поймать кошку! Ну, я иду, – добавил Гаврош. – Кстати, оставьте мне его ружьё.

И, сделав по-военному под козырёк, мальчуган шмыгнул на улицу.

На башне Сен-Мерри пробило десять часов, а кругом по-прежнему было тихо. Двое студентов с ружьями и карабинами в руках сидели молча у лазейки между домами и баррикадой и прислушивались, стараясь уловить самый отдалённый и глухой звук шагов. Вдруг среди жуткой тишины с улицы Сен-Дени донёлся звонкий, весёлый юный голос. Он распевал на мотив известной народной песенки:

...У них мундиры синие

И сабли на боку.

Огонь по линии,

Ку-ка-ре-ку!

– Это Гаврош, – сказал один из студентов.

– Он подаёт нам знак, – ответил другой.

Торопливый топот нарушил тишину; легко, как акробат, вскарабкался Гаврош на омнибус, спрыгнул внутрь баррикады и, запыхавшись, закричал:

– Где моё ружьё? Они идут!

Словно электрический ток пробежал по баррикаде. Слышно было, что все схватились за оружие.

– Хочешь, возьми мой карабин? – спросил один из революционеров.

– Нет, я хочу настоящее ружьё, – ответил Гаврош и взял ружьё полицейского.

Почти в одно время с Гаврошем на баррикаду вернулись двое часовых с теми же вестями. На посту остался только один часовой, со стороны мостов. Очевидно, там ещё было тихо. Все защитники баррикады заняли свои боевые позиции.

Сорок три человека, в том числе и Гаврош, стояли на коленях внутри баррикады. Просунув дула ружей и карабинов в щели между булыжниками, как в бойницы,^[9] все молча ждали сигнала к бою. Шестеро человек с ружьями на прицел заняли окна в обоих этажах кабачка.

Прошло ещё несколько минут.

Наконец послышался мерный тяжёлый топот множества ног. Неторопливый, грозный и чёткий, он нарастал непрерывно и неумолимо. И вдруг он смолк. Теперь в конце улицы слышалось дыхание большого скопища людей. Однако никого не было видно, только вдали среди густой тьмы смутно мерцало множество металлических нитей, тонких, как иглы. То были штыки и дула ружей, слабо освещённые отблеском факела.

Снова наступила тишина, как будто обе стороны чего-то выжидали. Вдруг из темноты раздался голос, осо-

⁹ Бойница – отверстие в стене для стрельбы.

бенно зловещий потому, что казалось – это говорит сама мгла:

– Кто идёт?

В ту же минуту слышалось бряцание ружей.

– Французская революция! – ясно и гордо прозвучал ответ начальника баррикады.

– Огонь! – раздалась команда.

Над баррикадой прогремел страшный залп; красное знамя упало. Залп был настолько сильный, что срезал древко. Пули, отскочившие от карнизов домов, попали в баррикаду и ранили несколько человек.

Начало было грозное, оно заставило призадуматься самых храбрых. Очевидно, было, что против баррикады выставлен целый полк.

– Товарищи, – крикнул начальник баррикады, – не тратьте зря порох! Подождём, пока они подойдут ближе. А прежде всего поднимем знамя! – прибавил он.

Он сам подобрал знамя, свалившееся к его ногам. Снаружи слышался стук шомполов:^[10] солдаты снова заряжали ружья.

Гаврош, не покидавший своего поста, заметил, что к баррикаде крадучись приближаются солдаты, и крикнул:

– Берегись!

Но было уже поздно. Раздалась беспорядочная стрельба, солдаты бросились на баррикаду. Вскоре им удалось занять почти две трети её, но пробираться дальше они не решались, боясь попасть в ловушку. Они за-

¹⁰ Шомпол – железный прут для забивания заряда в ружьё и для его чистки.

глядывали внутрь тёмной баррикады, как в логовище льва. Свет факела освещал только их штыки, мохнатые шапки и нерешительные, злые лица.

Многие из осаждённых засели у окон второго этажа и чердака, откуда им удобнее было стрелять. Другие, более смелые, бесстрашно стояли у стен домов, напротив солдат, взобравшихся на баррикаду.

Офицер с большими эполетами поднял шпагу и крикнул:

– Сдавайтесь!

– Огонь! – скомандовал начальник баррикады.

Одновременно грянули два залпа, и всё потонуло в чёрном, едком дыму. Только слышались слабые стоны раненых и умирающих.

Когда дым рассеялся, стало видно, что ряды солдат и защитников баррикады значительно поредели. Но те, что остались на ногах, не тронулись со своих мест и спокойно заряжали ружья.

Внезапно раздался громкий голос:

– Убирайтесь прочь, не то я взорву баррикаду!

Все обернулись в ту сторону, откуда слышался голос. Начальник баррикады вошёл в кабачок, взял там бочонок с порохом и, укрываясь в дыму, наполнившем баррикаду, быстро проскользнул к тому месту, где был укреплён пылающий факел. Он в один миг схватил факел и водрузил на его место бочонок с порохом.

Офицеры и солдаты, застыв от неожиданности, смотрели, как начальник баррикады с выражением отча-

янной отваги на гордом лице поднёс пылающий факел к бочонку с порохом и громовым голосом крикнул:

– Убирайтесь прочь, не то я взорву баррикаду!

На баррикаде вмиг не стало ни души. Побросав убитых и раненых, нападающие в беспорядке и замешательстве отступили к самому дальнему концу улицы и скрылись в темноте.

Бегство было паническое. Убедившись, что баррикада очищена, защитники её расставили часовых и принялись перевязывать раненых. Начальник баррикады подзвал Гавроша. Мальчик радостно подбежал к нему.

– Хочешь оказать мне большую услугу?

– Любую! – с готовностью ответил Гаврош.

– Возьми вот это письмо. Уйди сейчас же с баррикады.

– А завтра утром отнесёшь письмо. Тут сказано куда. Это совсем недалеко.

Юный герой почесал за ухом:

– Отнести-то я могу... Но вдруг за это время возьмут баррикаду, а меня не будет?

– Не беспокойся. До рассвета они вряд ли опять пойдут на приступ. А взять баррикаду им удастся только днём.

– Можно мне завтра отнести ваше письмо? – спросил Гаврош.

– Нет, это будет поздно: баррикаду успеют окружить со всех сторон и выйти тебе не удастся.

Возразить было нечего. Огорчённый Гаврош постоял несколько минут в нерешительности, снова почесал за ухом, наконец встряхнулся по-птичьи и взял письмо.

– Ладно, будет сделано, – сказал он и бегом помчался выполнять поручение.

Ему пришла в голову счастливая мысль, которую он не решился высказать, опасаясь возражений начальника. Но про себя он решил: «Сейчас около полуночи, улица эта недалеко, я успею отнести письмо и вернусь вовремя».

Гаврош отнёс письмо и поспешил назад. Но обратный его путь не обошёлся без приключений. Он усердно бил все попадавшиеся ему по дороге фонари, а потом затянул бойкую песенку. Распевая, он на ходу гримасничал, корчил страшные рожи. По этой части его изобретательность была неистощима. Жалко только, что у него не было зрителей и он понапрасну тратил свой талант.

Вдруг Гаврош остановился.

– Прервём наше представление, – сказал он сам себе.

В воротах какого-то дома его зоркий глаз заметил ручную тележку и спавшего на ней человека. Оглобли тележки упирались в мостовую, а голова человека – в край тележки, ноги же его свешивались до земли.

Опытный в житейских делах, Гаврош смекнул, что человек пьян.

«Вот как полезны летние ночи, – подумал Гаврош. – Пьяница заснул в тележке. Тележку заберём для республики, а хозяина её оставим монархии. Тележка очень пригодится нашей баррикаде».

Пьяница сладко храпел. Гаврош потянул тихонько тележку в одну сторону, а её хозяина потянул за ноги в другую; не прошло и минуты, как пьяница по-прежнему невозмутимо храпел уже на мостовой. Тележка была свободна. Гаврош порылся у себя в карманах, нашёл клочок бумаги, потом огрызок красного карандаша и написал:

РАСПИСКА

Твоя тележка получена для нужд Французской республики.

ГАВРОШ.

Бумажку засунул в карман плисового жилета пьянчуги, сам ухватился обеими руками за оглобли тележки и с победным грохотом понёсся рысью по направлению к баррикаде.

Эта затея оказалась небезопасной. Гаврош позабыл, что на его пути находится Королевская типография, а в ней караульный пост, занятый отрядом солдат. Солдаты насторожились: треск разбитых фонарей, переливы звонкой песенки – всё это было слишком непривычно для мирных улиц, где жители с заходом солнца отправляются на покой. Уже целый час мальчуган жужжал в этом тихом квартале, точно муха в банке. Офицер, начальник караула, стал прислушиваться, но, как человек осмотрительный, решил выждать. Грохот тележки окончательно всполошил его, и он отправился на разведку.

– Здесь их целая шайка! – сказал он, осторожно выглядывая из караульни, и тут же лицом к лицу столкнулся с Гаврошем.

Увидя офицера в мундире, в кивере^[11] и с ружьём, Гаврош остановился как вкопанный.

– Привет, общественный порядок! – бойко сказал он.

Его смущение длилось недолго.

– Куда идёшь, бродяга? – рявкнул офицер.

– Гражданин, – ответил Гаврош, – я ведь не обзывал вас буржуем, за что ж вы-то меня оскорбляете?

– Куда ты идёшь, прохвост?

– Сударь, – снова заговорил Гаврош, – возможно, что вчера вы были умным человеком, но нынче утром вас разжаловали.

– Отвечай, куда ты идёшь, головорез?

– Вы очень милы, – ответил Гаврош. – Вам никак не дашь ваших лет. Послушайте моего совета: продайте свои волосы по сто франков за штуку. Получите пятьсот франков.

– Скажешь ты наконец, куда идёшь, разбойник?

– Ой, как вы грубо выражаетесь, генерал!

– К оружию! – заорал офицер.

Гаврош в одну минуту принял мудрое решение. Тележка навлекла на него беду – пусть тележка его и выручает.

Когда офицер начал наступать на Гавроша, мальчик мгновенно превратил тележку в метательный снаряд. Те-

¹¹ Кивер – старинный военный головной убор.

лежка налетела на офицера. Он упал в лужу, а ружьё выстрелило в воздух.

На крик начальника из караульни выбежали солдаты, раздался залп, за ним второй и третий...

Пальба вслепую длилась около четверти часа; немало оконных стёкол пострадало от неё.

Тем временем Гаврош, отмахав без остановки пять улиц, присел на тумбу отдохнуть. Переводя дух, он прислушался к ружейной трескотне и, повернувшись в ту сторону, откуда она слышалась, показал «нос».

«Ну да! – сейчас же спохватился он. – Я тут насмехаюсь, потешаюсь и забавляюсь, а всё-таки с дороги-то я сбился, и придётся сделать порядочный крюк. Только бы вовремя поспеть на баррикаду!» И, затаив свою песню, он вихрем помчался по направлению к баррикаде.

ОБСТРЕЛ БАРРИКАДЫ

Наступил рассвет, но окна и двери оставались закрытыми. Природа проснулась, а люди не подавали признаков жизни. Войска, занимавшие конец улицы Шанвре-ри, были сняты; пусты были и окрестные улицы. Особенно страшным казалось это безлюдье при ярком свете дня.

Не видно было ни души. Зато слышны были какие-то неясные звуки. Где-то вдалеке происходило таинственное движение. Очевидно, приближалась решительная минута. Как и накануне вечером, часовые покинули свои посты и вернулись на баррикаду.

После первого штурма баррикаду успели привести в порядок и ещё лучше укрепили её.

В той стороне, откуда ждали нападения, мало-помалу воцарилась зловещая тишина.

Начальник баррикады дал приказ занять боевые посты. Сразу же смолкли все разговоры. Теперь был слышен только сухой треск – это заряжали ружья.

Ждать пришлось недолго. Звяканье цепей, лязг металла о мостовую, глухой и грозный гул – всё возвещало приближение артиллерии.

Вскоре показалась первая пушка. Зажжённый фитиль дымился.

– Огонь! – скомандовал начальник баррикады.

Раздался дружный залп. Дым густой лавиной окутал людей и пушку; через несколько секунд дым рассеялся,

снова стали видны и люди и пушка. Канониры^[12] спокойно и неторопливо устанавливали её перед баррикадой.

– Зарядите ружья! – скомандовал начальник.

В то время как защитники баррикады перезаряжали ружья, артиллеристы заряжали пушку. Пушка выпалила, раздался грохот.

– Здесь! – прозвучал весёлый возглас.

И одновременно с ядром на баррикаду влетел Гаврош. Он произвёл больше впечатления, чем пушечное ядро. Оно только разбило колесо омнибуса и доломало старую телегу, а само застряло в грудe обломков. На баррикаде рассмеялись.

– Отлично, продолжайте! – крикнул один из рабочих артиллеристам.

Все обступили Гавроша. Но начальник не дал ему сказать ни слова и отвёл его в сторону:

– Зачем ты сюда явился?

– За тем же, зачем и вы! – как всегда задорно, ответил мальчуган, и глаза его сверкнули весёлой удалью.

– Кто тебе позволил вернуться? – строгим голосом про должал начальник. – А письмо ты отнёс по адресу?

– Гражданин, я отдал письмо привратнику. Он обещал передать.

Отправляя письмо, начальник преследовал двойную цель: он хотел послать прощальный привет своей невесте и спасти Гавроша. Пришлось примириться с тем, что выполнена только половина его намерения.

¹² Канониры – артиллеристы.

Меж тем Гаврош успел шмыгнуть на другой конец баррикады.

– Где моё ружьё? – крикнул он.

Ему отдали его ружьё. Тогда Гаврош сообщил товарищам, что баррикада окружена со всех сторон.

– Прошу вас задать им перцу.

Начальник, стоя у своей бойницы, сосредоточенно вслушивался.

– Пригнитесь, прижмитесь к стене. Станьте на колени вдоль баррикады! – приказал он.

Защитники баррикады, покинувшие свои боевые посты при появлении Гавроша, дружно бросились к баррикаде, но раньше чем они успели выполнить приказ начальника, раздался вой картечи. Выстрел был направлен на выход с баррикады и рикошетом попал в стену. Двоих убило, а трёх человек ранило. При таком обстреле баррикада не могла долго устоять.

Обстрел продолжался. Ружейные залпы чередовались с картечью. Солнце уже высоко стояло в небе. Как раз в это время артиллеристы подкатили вторую пушку и поставили её рядом с первой. Это предвещало близкую развязку.

Через несколько минут оба орудия открыли стрельбу прямой наводкой по баррикаде; артиллерию поддерживал ружейный огонь пехоты.

– Надо во что бы то ни стало утихомирить их пушки, – сказал начальник и скомандовал: – Огонь по артиллеристам!

Все давно стояли наготове. Баррикада с ожесточённым рвением принялась палить по артиллеристам. Один

за другим последовали семь или восемь залпов; улицу сплошь заволокло густым дымом. Когда же через несколько минут огненный туман чуть-чуть рассеялся, обнаружилось, что две трети артиллеристов лежат под колёсами пушек.

Оставшиеся в живых артиллеристы продолжали обслуживать орудия, но стрельба стала значительно реже.

– Здорово! – сказал один из студентов. – Блестящий успех!

Начальник покачал головой:

– Ещё четверть часа такого успеха – и на баррикаде совсем не останется патронов.

Должно быть, Гаврош услышал эти слова.

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

На баррикаде вдруг заметили, что Гаврош стоит на улице прямо под выстрелами.

Гаврош взял в кабачке корзинку для бутылок, вышел через лазейку за баррикаду и преспокойно принялся высыпать в корзинку патроны из патронташей убитых солдат.

– Что ты делаешь? – закричали мальчику с баррикады.

Гаврош поднял голову:

– Наполняю корзинку, граждане.

– Ты что, не видишь картечи?

– Вижу, дождик идёт! Ну и пусть его идёт! – ответил мальчик.

– Сейчас же вернись, слышишь! – кричал начальник.

– Сию минуту! – отвечал Гаврош и в один миг очутился на середине улицы.

Десятка два убитых лежало вдоль всей улицы на мостовой. Два десятка патронташей – хорошая пожива для Гавроша, солидный запас патронов для баррикады.

Всё кругом было застлано дымом, точно густым туманом. Дым рассеивался и снова сгущался. От него среди белого дня стояла мгла, и противникам с одного конца короткой улицы до другого почти не было видно друг друга.

Эта темнота была на руку Гаврошу. Дымовая завеса и маленький рост позволили ему пробраться незамеченным довольно далеко. Первые шесть или семь патронта-

шей он опорожнил, почти не подвергаясь опасности. Он полз на животе, передвигался на четвереньках, держа корзинку в зубах, скользил, извивался, как змея, крался от одного мертвеца к другому и продолжал наполнять корзинку патронами.

От баррикады он был ещё недалеко, но никто не решался его звать – из страха привлечь к нему внимание солдат.

А он пробирался всё дальше и дальше и дополз до места, где дым уже рассеялся.

Солдаты, залёгшие за стеной из булыжника, и те, что сгрудились на углу улицы, заметили какую-то точку, передвигавшуюся в дыму.

В то мгновение, когда Гаврош очищал патронташ лежащего у тумбы убитого сержанта, в труп попала пуля.

– Что за чёрт! – воскликнул Гаврош. – Моих покойников убивают!

Вторая пуля выбила искры из мостовой подле него, а третья опрокинула его корзинку.

Гаврош огляделся и увидел, что стреляют с перекрёстка. Он встал, выпрямился во весь рост, потрянул головой и, устремив насмешливый взгляд на стрелявших в него солдат, весело и задорно запел песенку. Затем поднял корзинку, собрал все выпавшие патроны и, подойдя ближе к стрелкам, стал опоражнивать ещё один патронташ. Мимо прожужжала четвёртая пуля, а Гаврош продолжал петь. И на пятую он ответил песенкой.

Зрелище было страшное и прекрасное. Гаврош стоял под выстрелами и дразнил стрелявших. Казалось, он развлекается от души. Это был воробышек, клевавший охотников. На каждый выстрел он отвечал новым куплетом. В него целились непрерывно и не могли попасть. Солдаты смеялись, стреляя в него. Он ложился, вскакивал, прятался где-нибудь в подворотне, появлялся вновь, убегал, прибежал, смеялся над картечью, показывал «длинный нос», а попутно опустошал патронташи и собирал патроны. Товарищи, дрожа от страха, следили за ним с баррикады, а он всё пел. Пули гнались за ним, но он был проворнее их.

Он играл в прятки со смертью.

Но вот одна пуля, меткая и коварная, настигла храброго мальчугана. Гаврош зашатался и упал. С баррикады раздался крик ужаса. Гаврош приподнялся, тонкая струйка крови стекала по его лицу. Он поднял обе руки вверх, взглянул в ту сторону, откуда раздался выстрел, и снова запел. Но кончить куплет ему не удалось: вторая пуля навеки оборвала его песенку. На этот раз он упал лицом на мостовую и затих.

Маленький мальчик и большой герой был убит.

Примечания

1

Дилижанс – многоместная карета для перевозки почты и пассажиров.

2

Су – монета в пять сантимов. Сантим – самая мелкая французская монета.

3

Бастилия – старинная крепость в Париже, в которой при короле была тюрьма для политических заключённых. 14 июля 1789 года она была разрушена восставшим народом.

4

Исполинский – большой, огромный.

5

Вольера – большая клетка для птиц или животных.

6

Се?на – река, на берегах которой расположен Париж.

7

Мушкет и карабин – ружья устаревших систем.

8

Омнибус – многоместная карета для перевозки пассажиров.

9

Бойница – отверстие в стене для стрельбы.

10

Шомпол – железный прут для забивания заряда в ружьё и для его чистки.

11

Кивер – старинный военный головной убор.

12

Канониры – артиллеристы.